Рецензии

Григорий С. Горбун
Университет Чикаго, США

Политика через призму языка
Рецензия на книгу: Cody F. (2013) The Light of Knowledge: Literacy Activism and the Politics of Writing in South India, Ithaca, N.Y.: Cornell University Press

doi: 10.22394/2074-0492-2016-4-181-187

Книга Фрэнсиса Коуди, антрополога из университета Торонто, посвящена движению за грамотность «Ариволи Ийаккам» (Arivoli Iyakkam), действовавшему в регионе Тамил-Наду в Южной Индии с 1990 по 2009 годы. «Свет знания» — именно так переводится название движения — было одним из самых массовых и успешных движений подобного рода, получивших распространение в Индии в конце 1980–1990-х годах. Расцвет волонтерских и частных образовательных программ в Индии совпал с окончанием периода так называемого нерувианского социализма и неолиберальным поворотом в индийской политике. В организации образовательных программ этот поворот проявился в первую очередь в отказе от тотального государственного контроля, акценте на работу на региональном уровне и широком привлечении общественных организаций и активистов [Karlekar, 2010]. С созданием Национальной миссии за грамотность (National Literacy Mission) в 1987 году и запуском Кампании за всеобщую грамотность (Total Literacy Campaign)

Горбун Григорий Сергеевич — аспирант департамента антропологии Университета Чикаго. Научные интересы: антропология права, лингвистическая антропология, правовой дискурс, юридическое образование. E-mail: ggorbun@uchicago.edu
Grigory S. Gorbun — PhD student at the Departmen of Anthropology at the University of Chicago. Research interests: legal anthropology, linguistic anthropology, legal discourse, legal education. E-mail: ggorbun@uchicago.edu

в 1988 году борьба за грамотность стала одной из центральных тем внутренней политики и сравнивалась с борьбой за независимость [Ibid., p.15]. Сама возможность такого сравнения позволяет сделать вывод, что движение за грамотность «не сводится к простому обучению людей» [Ibid., p. 25], и именно это становится предпосылкой для всего исследования Коуди.

Автор открывает книгу рассказом о небольшом поселении Катрампатти, в котором далиты (буквально «угнетенные»; жители, принадлежащие к одной из низших каст) оказались лишены возможности кремировать своих мертвых, поскольку путь к выделенному им месту кремирования был отрезан полями, принадлежащими представителям доминирующей касты калларов. После нескольких лет безуспешных попыток решить эту проблему на уровне сельского совета и обращений к местным политическим партиям группа женщин, прошедших годовое обучение в рамках «Ариволи Ийаккам», решила написать петицию главе администрации округа. Для них эта петиция — первый в жизни случай, когда они могли составить и подписать официальный документ. День подачи петиции должен был стать важным днем в жизни этих женщин. Они не только получили возможность продемонстрировать результаты своего обучения, но и должны были представить и защитить интересы всего своего сообщества.

Однако из-за ряда заминок, случайностей и особенностей бюрократической организации все пошло несколько иначе. Активисту, возглавлявшему группу, пришлось самому в спешке составить текст петиции, а остальные участницы лишь поставили свои подписи. А вместо того чтобы всем вместе вручить документ главе округа и дополнить его личным рассказом о своих проблемах, им пришлось оставить петицию в секретариате. В итоге, несмотря на то что петиция была составлена и подана, участницы уехали домой с чувством разочарования.

Это разочарование женщин после подписания петиции резонирует с разочарованием активистов и исследователей в распространении грамотности и в проекте просвещения в целом. Изначально распространение грамотности, в том числе и для активистов движения «Ариволи Ийаккам», было напрямую связано с политической идеей письменной саморепрезентации. Доступ к ней должен был эмансипировать ущемленных в правах и помочь им преодолеть традиционные преграды, накладываемые властными структурами касты, класса и гендера. Именно это ожидание стоит и за петицией, составленной жительницами Катрампатти. Однако различные исследования [Spivak, 2010; Gupta, 2012] и наблюдения самих активистов показали, что возможность вступать с властью в письменную коммуникацию не гарантирует доступа к правам.

Критика движений за грамотность, точнее их политической составляющей и стоящей за ними концепции развития, встраивается в традицию критики Просвещения, восходящую к «Диалектике просвещения» Адорно и Хоркхаймера [Адорно, Хоркхаймер, 1997]. Однако Коуди, ставя вопросы об активизме, о роли письменности в политической организации индийского общества, о дискурсе развития-как-педагогики (development-as-pedagogy), пытается избежать фуколдианской проблемы «шантажа просвещения», чтобы «проанализировать активистское движение, созданное во имя просвещения, иначе чем в бинарных терминах культурного сопротивления и инструментальной рациональности» [Cody, 2013, p. 5]. Его интересует не развенчание или апология Просвещения, но те формы знания и социальной жизни, которые произвело движение «Ариволи Ийаккам» в ответ на столкновения с противоречиями, заложенными в самом его проекте.

Важной особенностью исследования является то, что Коуди рассматривает вопросы грамотности, активизма, гендера, агентности, политики и просвещения, находясь в рамках и исходя из традиции лингвистической антропологии. Это определяет его внимание к роли языка и лингвистической идеологии. Методологические истоки его работы можно проследить в статье 2010 года [Cody, 2010]. В ней он намечает ключевые вопросы суб-дисциплины, которые потом структурируют и всю его книгу: современное значение гражданства, более широкая проблема разделения лингвистического труда и производства ценности, позиции участников коммуникации, политика публичности, медиумы коммуникации и социальная жизнь дискурса.

Как он отмечает в статье, «язык» еще не стал слабой метафорой наподобие «общества» или «культуры». Именно поэтому концептуальная работа и аналитические инструменты, производимые лингвистической антропологией, продолжают давать результаты и оказываются востребованными социальными и гуманитарными дисциплинами. В частности, внимание к тому, как коммуникативные практики связаны с производством культурной ценности и регулярных социальных эффектов, позволяет проследить роль языка и языковой идеологии в отношениях между государством и его гражданами, в получении доступа к сфере политического, вопросах стандартизации и маргинализации, практиках активизма. «Свет знания» дает яркий пример использования этих инструментов.

В главах с этнографическим описанием взаимодействия активистов «Ариволи Ийаккам» и их учеников Коуди показывает, как противоречия, заложенные в самом проекте просветительского движения, проявились в его развитии и результатах деятельности. Анализируя способы агитации, используемые активистами, и дискурс, связанный с движением, он показывает, что идея развития

зиждется на различении хронотопов «развитого» модерного мира, эпохи «следов на луне», в которой существуют грамотные граждане, и «отстающего» времени «следов от пальца» (thumbprint — как пренебрежительно называют людей, не способных поставить подпись), мира неграмотных далитов, на работу с которыми было нацелено движение [Cody, 2013, p. 29]. Таким образом, важной задачей для движения становится «объединение национального пространства и времени» [Ibid., p. 66], превращение далитов в «полноценных» граждан через распространение грамотности.

В то же время грамотность воспринималась активистами как орудие, которое позволит неграмотным «угнетенным» как гражданам в диалоге с государством самим улучшить свое положение, добиться социальной справедливости. Очевидное противоречие между навязыванием новых культурных представлений о пространстве и времени и утверждением независимой субъектности учеников быстро проявилось в педагогической практике. Это заставило активистов критически взглянуть на собственные основания, переосмыслить педагогические методики и в итоге создать новые способы репрезентации истории и локальности, дающие возможность связать модернистскую повестку с сельской традицией. Коуди называет этот новый способ репрезентации «сельской модерностью» (rural modernity) [p. 67]. Речь идет не о простом использовании традиционных форм для достижения просвещенческих целей, но о полноценном переосмыслении активистами всего проекта просвещения.

Момент противоречия в практике и последующая рефлексия активистов, рождающая новые формы мышления и взаимодействия, особенно важны для Коуди. Другими примерами подобных противоречий служат процесс мобилизации учеников и подбор педагогических методик для проведения занятий. В обоих случаях готовые теории, которыми руководствовались активисты, не могли ни полностью определить их действия, ни предсказать их результат.

В первом случае занятия тщательно конструировались активистами, чтобы заинтересовать учеников, в первую очередь женщин, с одной стороны, как «практичных» просвещенных субъектов через использование жизненных примеров, обещания повышения социального статуса и новых экономических возможностей, а, с другой, как представительниц традиционной тамильской культуры, для которой характерно представление о женской силе. Однако, по наблюдениям Коуди, женщины активно участвовали в занятиях не из-за их содержания, а в силу чувства обязанности и ответственности перед активистами, которые «призвали» их (called) на занятия. Именно факт этого публичного «призыва» и порождаемое им чувство обязанности (буквально «связанности» — kattayam) в итоге сформировали новый тип «реципроктной агентности», не подпада-

ющий под представление ни о просвещенном, ни о традиционном субъектах [p.71].

Похожим образом к неожиданным результатам привели и эксперименты с педагогикой. Изначально «Ариволи Ийаккам» было во многом ориентировано на «педагогику угнетенных», разработанную бразильским философом Паулу Фрейре. В ней грамотность понимается не как простое умение, но как путь к развитию самосознающего субъекта, а занятия нацелены на расширение кругозора и формирование нового объективирующего мировоззрения. При этом в практике «Ариволи» сам язык и написанные слова становились инструментами объективизации понятий и социальных отношений, выражаемых через эти слова (как глобус становится инструментов объективизации Земли) [p. 105]. Например, активист из Катрампатти каждое занятие начинал с того, что просил учениц написать слово «patta», означающее свидетельство о праве на землю, чтобы в итоге через обсуждения прийти к осознанию важности этого документа в их борьбе за доступ к кремационным землям.

Однако, как он увидел из разговоров с ученицами и как показывают другие наблюдения Коуди, сама по себе объективация документа и связанных с ним отношений не приводит автоматически к политическому действию, а иногда и вовсе встречается с агрессией [p. 122–123]. В итоге написать свою петицию женщин из Катрампатти сподвигло не использование слова «patta» и связанное с ним объективизированное мировоззрение, обретенное в результате занятий, но сама социальная форма учебной группы. Функционирование учебных групп требовало адаптации представлений о языке и письменности для ведения диалога с учениками. Первые буквари, использовавшие педагогику Фрейре, стали критиковаться, и активисты на местах все чаще были вынуждены прибегать к разработке собственных педагогик. Осознание различия между концептом и практикой «наделения силой» (empowerment), а также поиск педагогических и языковых форм привели к тому, что «язык перестал действовать в качестве окна в социальную реальность или как простое средство для передачи знаний, как это было задумано в изначальной педагогике „Ариволи“. Язык ожил и стал продуктивным элементом социальной реальности» [p. 137].

В книге Коуди моменты «недоопределенности» приоткрывают взгляду исследователя «проблески форм социальности, упускаемые из виду не только активистами, но и понятийным аппаратом социальных наук» [p. 6]. В заключительной главе он вновь возвращается к петиции женщин из Катрампатти, чтобы критически проанализировать практику написания петиций, роль письменной медиации и подписей в практике управления. В разборе социальной жизни дискурса на примере петиций — от устных жалоб, через запись

посредниками (писцы и волонтеры) и передачу представителям государственной бюрократии — Коуди предлагает выйти за рамки фуколдианского концепта правительности (gouvernmentality), через понимание того «как технологии письменности производят гражданских субъектов» [p. 173].

Попытка реорганизации «политической экономии языка» через распространение грамотности, чтобы «угнетаемые» могли представить свои требования на письме, не работает так, как это было задумано, и ставит новограмотных в положение «недоразвитых», формируя специфическое постколониальное гражданство. Петиция женщин далитов из Катрампатти получает ответ, но решение властей не дает им право на проход через поля соседей из более уважаемой касты, а лишь предлагает обходной путь через высохшее русло реки, принадлежащее государству. Таким образом, «обещанное освобождение [через распространение грамотности] исчезает в новой форме кастового доминирования, теперь уже санкционированного бюрократической властью» [p. 207]. Но новые отношения, возникшие в результате адаптации практики просвещения активистами на местах, социальные формы и формы знания, возникающие в ходе процесса адаптации, выявляют сложность в распространении грамотности и письменной коммуникации.

Предлагаемый Коуди анализ конкурирующих способов создания ценности через разные формы мобилизации языка в контексте политического действия позволяют по-новому взглянуть на возникновение новых форм артикуляции государственной власти и социальной критики. Он открывает новое поле для теоретизирования политического. Индийский политический контекст и реалии жизни тамильских крестьян, незнакомые российскому читателю, и подробный языковой анализ тамильских терминов могут сделать книгу трудной для чтения. Однако легкое письмо, интереснейший этнографический материал, бережность, с которой Коуди с ним обращается, а также постоянные отсылки к широкому теоретическому контексту, связанному с проблемами языка, власти, колониального, с лихвой восполняют этот недостаток.

Книга Коуди может послужить как великолепным введением в проблемы современной лингвистической антропологии, так и отправной точкой для переосмысления роли письменности, грамотности и языка в политической жизни современного государства.

Библиография

Адорно Т., Хоркхаймер М. (1997) *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*, М.; СПб.: Медиум, Ювента.

Cody F. (2010) Linguistic Anthropology at the End of the Naughts: A Review of 2009. *American Anthropologist*, 112 (2): 200-207.

Gupta A. (2012) *Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India*, Durham, NC: Duke University Press.

Karlekar M. (ed.) (2004) *Paradigms of Learning: The Total Literacy Campaign in India*, New Deli, Thousand Oaks, London: Sage Publications.

Spivak G.C. (2010) Can the Subaltern Speak? R. Morris (ed.) *Can the Subaltern Speak? Reflections on the History of an Idea*, N.Y.: Columbia University Press: 21–80.

References

Adorno T., Horkheimer M., (1997) *Dialektika Prosveshcheniia. Filosofskie fragmenty [Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments]*, M.; SPb.: Medium, Iuventa.

Cody F. (2010) Linguistic Anthropology at the End of the Naughts: A Review of 2009. *American Anthropologist*, 112 (2): 200–207.

Gupta A. (2012) *Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India*, Durham, NC: Duke University Press.

Karlekar M. (ed.) (2004) *Paradigms of Learning: The Total Literacy Campaign in India*, New Deli, Thousand Oaks, London: Sage Publications.

Spivak G.C. (2010) Can the Subaltern Speak? R. Morris (ed.) *Can the Subaltern Speak? Reflections on the History of an Idea*, N.Y.: Columbia University Press: 21–80.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Горбун Г.С. (2016) Политика через призму языка. Рецензия на книгу: Cody F. (2013) The Light of Knowledge: Literacy Activism and the Politics of Writing in South India. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. *Социология власти*, 28 (4): 181-187.

Gorbun G. (2016) Politics Through the Lens of Language. Review: Cody F. (2013) The Light of Knowledge: Literacy Activism and the Politics of Writing in South India. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. *Sociology of power*, 28 (4): 181-187.